

Налимья пора

Автор:

Александр Токарев

Налимья пора

Александр Владимирович Токарев

В этой книге ворчат временами летние грозы на карповом пруду, где в теплой воде ходит у дна ночное чудовище. Золотая осень полыхнет яркоцветьем красок, заплачет долгими дождями. А потом остекленеет небо, и придут румяные морозы накануне веселого Новогодья. Всё это сезоны рыбалки от Александра Токарева, члена Союза писателей России, писателя и рыболова. Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Ночное чудовище

Жара... У снастей сидеть на солнцепеке – добровольная пытка. Пруд, словно стекло, – ни морщинки от ветра, да хоть небольшого ветерка... Искупаешься и кажется, что заново начинаешь жить: посвежела голова, спала с нее вязкая хмарь, легче двигаться и вроде самое время вернуться к удочкам. Но проходит полчаса или даже меньше, и опять наваливается душная одурь, когда хочется послать все... и уехать домой.

Карп тоже не клюет, хотя, казалось бы, рыба теплолюбивая. Но, видимо, и ему перебор с теплом. Рано утром было по-другому: едва забрезжила заря, поплавки начали то укладываться набок, то бойко убегать к травке и нырять с разбега в теплую воду. Брала карпики до полукилограмма, изредка и покрупнее. Причем с утра охотнее хватала червей и брала у берега, на длину даже короткого четырехметрового удилица. С восходом солнца поклевки стали чаще уже на шестиметровые снасти и «резинки», заведенные за сорок-пятьдесят метров от

берега. Карп интересовался теперь больше перловкой, зеленым консервированным горошком и кукурузой. С жарой рыба перестала брать совсем. И мы заскучали, мучаясь от зноя.

- Есть предложение, - вяло басит Николай.

- Ну, - отзываюсь неопределенно и столь же вяло.

- В третьей деревушке отсюда есть прудик карасевый. Рыба не крупная, но хоть что-то до вечера половить, а то в этом болоте и лягушки повымерли. Да и голо здесь, ни кустика. Спрятаться негде от солнца. А там деревья по берегам старые. Если клевать не будет, так хоть подремать в тени на ветерке.

- Идет... Ты как, Ванюшка? - обращаюсь к сыну. Но он, оказывается, спит на рыбацком стульчике прямо перед удочками. Сматываем снасти, укладываем все в багажник, а сзади вдруг - плюх!.. Оглядываемся, а это Ванька во сне упал в воду. Так с размаху, в брызгах, и распластался в теплой прудовой ряске. Я - бегом к сыну. Вытащил рыбка, а его трясет от испуга сонного неожиданного да от перепада температуры. Вода хоть и теплая, но воздух по сравнению с ней просто раскаленный.

- Ничего-ничего, - успокаиваю сына, трясущегося и испуганного. - Сейчас переоденешься. Вон футболку надень сухую и шорты. Ванька конечно не выпался. Подняли его часа в два утра и сразу - в машину.

Прудик тянулся вдоль всей деревни. По всей видимости, был он запруженной речкой или ручьем. Нас поразило обилие и густота карасевых стай. Они хорошо просматривались с обрывистого берега в неглубокой воде, пронизанной солнцем. Берег был укрыт ветвистыми деревьями. Устроившись уютно в тени, мы уже предвкушали отчаянный клев пусть и карасиков-недомерков, но наши поплавки лишь покачивались от прыжков нахальной верховки, кишащей поверху. Но едва солнце повернуло на вечер и скрылось за деревьями противоположного берега, поплавок сынишки лег набок, потом накренился и уверенно пошел под воду.

- Подсекай, Ванюшка! - толкаю сына. Тот спохватывается и поддегивает кверху удилице. Есть! На леске трепыхается золотой, медный ли карасик с ладонь. Ладно бы - с мою, но рыбка не больше ладони Ивана. Но тот рад.

Вскоре заклевало и у нас. Попадались и серебряные карасики. Они были крупнее и брали более уверенно.

Есть какая-то особая прелесть в ловле карася, пусть и некрупного. Он, карась, какой-то плотный, словно деревенский мужичок, крепкий в теле, крупночешуистый, и если даже размером с ладонь, то желанен более, чем сорога тех же кондиций, поскольку широк почти в свою длину. И поклевка карасевая схожа с лещевой, и оттого, наверное, заставляет учащенно биться сердце. Вот поплавок-гусиное перо ложится на зеркальную воду, трясется, пуская круги; вершинка приподнимается, а затем поплавок опять нерешительно укладывается набок, и, наконец, словно отбросив сомнения, приподнимается и косо уходит под воду. Подсечка!.. На леске – упругая тяжесть, а затем в ладони сильно изворачивается крепкая красивая рыбка цвета потемневшего от времени золота.

На закате возвращаемся к карпам. Прикармливаем место крутой пшенкой с добавками покупной фирменной прикормки.

Пришел теплый летний вечер. Солнце налилось тяжелой алостью цвета незрелой вишни и растворилось в теплом мареве. Растаяли облака, только на горизонте кучились и ворчали пухлые тучи. В них проблескивали молнии.

– Эх, сюда бы дождичка, – мечтает Николай.

– А я грозы боюсь, – словно хвастается Ванька.

До нас дошли лишь отголоски дальней грозы. По теплой воде прошелестела легкая морось, вздохнул ветерок в осоке и все стихло. Но и этого освежающего дуновения было достаточно. Поплавки оживились: кто-то все время трогал насадку, словно никак не решаясь проглотить. Наконец рыбки сомнения развеялись, и последовали первые уверенные поклевки. В садке забились два карпа: один – сына и второй поменьше – мой. Рыба пока была не тяжелее трехсот граммов. Но Николай выводил что-то уже покрупнее.

– Давай-давай, губастый! Иди сюда, – ворчал «борода». Наконец он подхватил подсачеком карпа на кило...

Стали попадаться довольно крупные рыбины и у нас. Среди обычных карпов изредка встречались «полуголые» зеркальные. Словно в насмешку, на их боках было прилеплено по несколько чешуинок.

Темнело быстро. Вроде бы пора и нам отужинать да спать ложиться, но рыба все клевала, словно отъедалась за весь день одуряющей жары и полного отсутствия аппетита.

– Ваня, иди в палатку. Ложись спать, а то опять не выспишься и носом в воду нырнешь, – вроде бы ворчу. Но у сына краснеют глаза и наливаются влагой.

– Я рыбачить хочу! – блеет он ягненком с клокочущими в горле слезами. И я отстаю от него. Дома отоспится.

Ловить приходилось почти на ощупь, поскольку тяжелые грозовые тучи на горизонте там и устроились на ночлег, закрывая отблески вечерней зари. Вспоминаю, что где-то у меня завалялись в коробке так и не проверенные и не примененные до сих пор светящиеся поплавки, купленные на всякий случай. Вот он, случай, и представился... Покопавшись с фонариком в коробке, нахожу поплавки. Спешно переоборудуем снасти и забрасываем в прикормленные места. Теперь поплавки не надо было перехватывать на лету при подсечке или замене насадки почти на ощупь, лоя леску, словно сумашедший виртуальных мух. Хоть и не очень ярко, но видна была оснастка, да и на воде что-то проглядывалось, а то до этого поклевки ощущались почти интуитивно или когда уже гнуло удилице.

Рыба ночью брала крупнее, и поклевки были более уверенные. У Николая едва не «убежало» удилице из рогулек. Успев поймать его, Николай с трудом вывел карпа килограмма на три.

За ловлей, в азарте, и не слышу, что сын чего-то приговаривает, чуть не причитает:

– Папа-папа, не могу удержать! Тянет сильно!..

Выхватываю удочку у сынишки и тут же следует яростная потяжка. Удилище крепкое, карбон ли, уголь, но крепкое и, казалось, до этого надежное, переламаывается в двух местах. Хватаюсь за леску, но она режет пальцы до

крови. Следует еще один рывок и... дзинь!..

Минут десять сидим с сыном и, молча, смотрим на темную воду, в которой отражаются звезды и узкий полумесяц, выползший из туч. Молчит и Николай.

Ловим с Николаем до самого утра. Ванька едва дотянул до полуночи и заснул, упав на траву боком. Я унес его в палатку и положил в спальный мешок, не застегивая молнии. И так тепло...

Под самое утро, когда на росистые поля и травы лег туман, за нашими удочками произошло какое-то движение. словно массивное тело прошло под самой поверхностью и оставило после себя кипящую воронку в окаймлении маленьких бурунчиков и водоворотиков. Это повторилось несколько раз, и мы с Николаем заворожено смотрим на воду, протирая слипающиеся сонные глаза. Это «нечто» вдруг поднялось на поверхность. И мне показалось, что я вижу древнего пучеглазого «завра», жившего миллионы лет назад и сохранившегося чудом в этом теплом лягушачьем оазисе... Подобные мысли приходят обычно на тяжелую без сна голову, как сейчас... И непонятно, наяву всё это происходит или снится? Карп, гигантский карп пялился на нас своими выпученными глазами-буркалами и, казалось, сейчас хрипло прорычит: «Сожрать вас, что ли, чайники?!». Из его толстогубого рта торчали обрывки лесок, среди которых, вероятно, была и от Ванькиной удочки... Карп вздохнул, пустил пузыри и безмолвно погрузился в воду. Николай сидел столбом, а я все глядел на воду и щипал себя за нос... Опомившись от изумления, мы переабрасываем снасти.

Карпики клевали не мелкие, но экземпляры, подобные тем, что чуть не утащили удочку Николая, сломали Ванькину, и поднимались на поверхность, как подводная лодка, больше не попадались. Чудеса случаются редко, иначе не были бы чудесами. Да и время сейчас не то, не чудесное... Домовые, кикиморы, шишиги, собрав в узелки нехитрые волшебные пожитки, покидают дома и дворы, где им неуютно; Леший, плюнув на службу, наварил самогону, настоял на клюкве и ушел в бессрочный запой и спячку. Живая и на глазах умирающая Природа, отравленная ядовитыми сбросами и выбросами, выбитая «электроудочками» и мощными ружьями, уже покорно уступает дорогу холодному Миру машин...

Весна. Пескари и щуки

Весна... Утром откроется тяжелое стеклянное небо, в котором лишь виснет туманная дымка. Неподвижны индевелые кустарники и мелкоколье на синем снегу-насте. Все заковано в неподвижность и оцепенение морозного утра. И, кажется, что еще царит суровоглазая зима. Но «затенькает» где-то синичка, заалет восток холодным еще светом, а там вдруг, словно улыбающееся лицо, выглянет солнце и сразу обогреет все окрест. И наст уже не синий, а золотистый, и неподвижный морозистый воздух становится теплым ветром. С шорохом опадает снег на льду, чернея выталинами, и, куда ни спрячешься, везде ослепительный свет, от которого багровеет лицо. Теперь уже рыбацкая одежда кажется лишней, а, казалось, только что ознобленные «мураши» бежали по спине... Все это – весна, Начало всего, и славное время для рыбалки.

Пескари

Воскресным утром мы бродили по малой нашей речке, отыскивая место, где можно было наловить живца для Большой уже рыбалки – щучьей. В последнее время стало правилом для нас: живца заготавливать накануне, поскольку март, хоть и считается временем удачной ловли, чаще убеждаешься в обратном. По крайней мере, мелкой рыбешки для жерлиц не всегда поймает там, где собираешься выставлять снасти на щуку. Может быть, это связано с тем, что хищник просто разгоняет и выбивает мелочь?

Наконец пригляделось нам место, где за поворотом реки образовался небольшой заливчик. Здесь, на границе струи и обратного течения, мы и пробурили свои первые лунки. Насадка у нас – опарыш и мотыль. По опыту прежних походов за живцом мы уже знаем, что есть вероятность попасть на клев весенней уклейки. Живец в отличие от сорожки-плотвы довольно слабый, да и норовит уклея все время захлестнуть поводок, в капризности своей и в стремлении вернуться к поверхности воды, где обычно обитает. Но зато есть у нее важные качества – нежность и «проглотистость». Какой судак откажется от этой серебристой рыбки, да и щука, окунь оскорбятся за милую душу...

Было однажды так, что только уклейка, пойманная загодя у города, принесла мне успех на волжской ловле. В длинной веренице жерлиц, выставленных по

старому берегу Волги (после образования Чебоксарского водохранилища), вскидывались только флажки моих жерлиц. И брал в основном судак, реже – щука. Соседи недоумевали и, конечно, злились, кляня судьбу, погоду и Закон подлости. Все, как обычно... Когда узнали, что на тройниках рыскают уклеи, вопросов больше не было. Трудно сохранить эту нежную рыбку, но пару-тройку дней улейка выдерживает в холоде и с работающим компрессором-аэратором.

Итак, снасти настроены, чуткие кивки, словно гончие на стойке, нетерпеливо подрагивают на слабом течении. Удочки – легкие, с тончайшей леской, а сама оснастка – проще простого, как летом, то есть ниже маленького свинцового грузила привязан тонкий крючок-«заглотыш». А вот и первая поклевка!.. Почти под самым льдом схватила крупная улейка и затрепетала на леске. Осторожно... только осторожно брать ее рукой, слишком нежна рыбка... На живца крупновата, разве что – на крупную щуку. А где ее, крупную, взять у города? Тяжелее 2,800 кг не лавливал я по льду в наших местах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tokarev_aleksandr/nalim-ya-pora

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)